

Лад Посадский

и компания

ДЕЛА ЗАМОРСКИЕ

книга II

Михаил Русанов

**Лад Посадский и компания.
Книга II. Дела заморские**

«Издательские решения»

Русанов М.

Лад Посадский и компания. Книга II. Дела заморские /
М. Русанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837484-5

Лад Посадский — молодой дружинник, имеющий стойкий иммунитет ко всяческому злему колдовству. После славных «дел торговых», выпало «счастье» Ладу и друзьям его закадычным — новая миссия — возглавить обоз посольский от Посада Торгового в страну заморскую... Дружинник Лад одновременно напоминает и новгородского Садко, и Алешу Поповича, и... Остапа Бендера. История Лада подана в увлекательной форме, сочетающей в себе элементы игры и загадок.

ISBN 978-5-44-837484-5

© Русанов М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лад Посадский и компания

Книга II. Дела заморские

Михаил Русанов

© Михаил Русанов, 2017

© Михаил Иванович Русанов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7484-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Душной летней ночью приснился Ладу сон чудной. Будто сидит он маленький в бане. Вокруг тени. Берёзовыми веничками жар нагоняют, да приговаривают:

– Будет Ладушка здоров, здоров и силен. Будет Ладушка умён, умён и сметлив. Будет Ладушка сам по себе, на беду ли другим, на счастье ли...

Тут приблизилась к нему, мальцу несмышлёному, голова нечисти невиданной – рыло свиное, глаза как у хорька, борода переплетена, что корни дуба столетнего, – пойдя, найди концы! А на лбу – рога коровьи. Ухмыляется рожа бесовская, зубы кривые да острые скалит. Лад, не будь дурак, взял и плюнул в морду окаянную. Загоготала рожа отвратная, затрясла бородой огромной. Тут-то Лад и схватил беса главного за волосы седые, да как дёрнет из всех своих маленьких сил. А рожа бесовская ещё громче хохочет...

Проснулся Лад в поту холодном. Пошарил рукой по полу, нашёл чарку с рассолом капусты квашеной. Жена милая, Гадина добрая, позаботилась. Чтоб похмелье мужу голову не сильно ломило, поставила возле кровати чарку то. Унял дрожь Лад, выпил рассол. Вот оно значит, как было, подумал. Видать, правду старухи по базарам несут. Дёрнул таки я Чер-Туя за бороду.

– И не сомневайся.

Выронил Лад чашку на пол, глаза протёр. Огляделся. Нет никого в спальне.

– Утром скажешь Седобороду, идут в Посад гости заморские. Лица светлы у них, а мыслишки тёмные.

– Кто здесь? – Тихо спросил Лад.

– А нет никого. Слова мои Седобороду передай. А теперь спи.

С тем и уснул Лад.

На утро в голове так шумело, что Гадина забеспокоилась – уж не чары ли злые на мужа легли? Но не может такого быть! Не берут его заговоры разные. Знать, дело в похмельном синдроме. Мужу о том говорить не стала. Хоть и набрался он ума за последний год, а слюна всё же иногда на языке пениться. Плюнет, не подумав на пол, а там ковёр новый, – хундустанский, ручной работы. Потому разговор с другого начала.

– Ещё раз услышу от соседей, что ты допоздна в кабаке сидишь с гоблином шерстяным, выставлю вещи твои за порог! Пойдёшь жить к нему, чтоб его клопы заели!

Глава 1

М. Уолт просматривал почту. Биржевые сводки его не интересовали. А вот новости из главного штаба Синдиката наводили на мысли тревожные.

Секретарша Стелла, в народе посадском ведьмочкой прозванная, подала шефу кофе крепкий.

Напиток сей в Посаде не был популярен. Горький отвар чёрных молотых зёрен пришёлся по вкусу не многим. Вот хундустанцы употребляли его в больших количествах. Они имели монополию на торговлю кофе. А раз товар спросом не пользуется, на складах годами лежит, так чего же добру пропадать? Вот и пьют хундустанцы кофе, как мужики посадские брагу медовую – литрами, ведрами, а когда и бочками. Оттого хундустанцы спокойного сна не ведают.

М. Уолт выпил кофе, закурил сигару, в Посад контрабандой доставленную, и вызвал к себе Донда.

Со дня битвы, в которой посадские отстаивали независимость торговую, минул почти год. Известие о том до сих пор будоражит земли дальние. Посадские возгордились. Да и по праву. Стал Посад первым городом, открыто выступившим супротив заморских супостатов.

Но не многие понимали, что победа такая – щелчок по носу зверя лютого. Выиграть битву одну – не значит победить в войне. Выиграть – выиграли, а перед переменами не устояли.

Торговля в Посаде процветала, ярмарки и базары ширились, пришлось даже за пределами Посады леса вырубать. Дело такое с наскока не решалось. За вековые леса выкуп был положен нечисти посадской.

Купцы богатели, а если кто в пух и прах разорялся, – не беда. В Посаде работы много. Пройдёт год-другой, глядишь, и подвернётся случай дело новое открыть.

Конторы ссудные всюду как грибы росли. Где большие проценты, где маленькие, – сам думай, решай, что подходит тебе.

Появились и юристы в Посаде. Отнеслись к ним с холодком. Некоторые биты были, а уж в плевках почти все ходили.

Юристы все как близнецы – худы, волосы прилизаны, и носы длиннющие. Люд посадский недоумевал – за что деньгу кровную хлыщам этим отдавать? За язык шустрый? На любом базаре, на ярмарке самой захудалой, не один десяток болтунов найдётся! Совет старейшин в раздумьях пребывал, – понаехало юристов тьма тьмущая, а какой прок от них, – никто не знает. Пошли за разъяснениями к Седобороду. Тот вразумил – юристы что приказчики, при каждой сделке стоять хотят и процент в карман себе класть. Приказчики молча выслушали слова такие. А на следующую ночь пылали все конторы юридические заревом весёлым. После случая такого, Совет старейшин постановил, – юристам в дела торговые не лезть. Прерогатива то приказчиков посадских.

(При словах сих приказчики головами важно кивали, хотя плюнуть каждый хотел. «Уж, не из лексикона ли нечисти словечко – прерогатива?». Кто сказал «лексикон» так и не дознались. Но на полу в избе Совета после много плевков насчитали.)

Юристам на откуп были даны дела бытовые. Свадьбы, похороны по обрядам той или иной диаспоры, тяжбы по завещаниям, имущественные споры, а так же составления разного рода контрактов, не касающихся дел торговых, – всё легло на плечи юристов. С каждой монетки заработанной обязали их платить налог в казну посадскую. Так юристы тут же Гильдию организовали, и протест подали в Совет. Грамотно всё расписали – мол, так и так, не по силам платить большие налоги. Зуб, главный в Совете старейшин, от наглости такой

речи лишился. После помянул нечисть и выгнал всех вон. А Ярому Живодёру, начальнику дружины посадской, строго наказал:

– Впредь лоботрясы твои пушай следят за хлыщами проворными. Шибко умные они. Только ум их не в сторону Посада смотрит.

Седобород дальновиднее оказался. Пожаловал он как-то вечером к М. Уолту. С тех пор юристы притихли. Объяснили им ухари в плащах длинных, что к чему и каков закон в Посаде. Теперь Гильдия исправно вносит налог в казну посадскую. И ещё чуть-чуть в ЗАО мафиозное платит. О том Совет старейшин не догадывается.

– Вызывали, босс?

В дверях кабинета М. Уолта вальяжно стоял Донд. Одет он был в костюм мужиков посадских – широкая рубаша синего шёлка, брюки из ткани северной, добротной, в поясе ремнём кожаным, в три пальца шириной, схвачены. На ногах полусапожки из шкуры дикого кабана, по военному образцу сшиты. Если б не лицо без эмоций, и не худощавость, в которой угадывается выносливость зверя степного, Донд действительно походил бы на мужика посадского, – мужика добродушного, в делах торговых толк знающего.

М. Уолт улыбнулся. Хищной получилась улыбка. Знал он, перед ним – профессиональный убийца. Мастер плаща и кинжала. На весь Синдикат таких десятка три будет, не больше. Сам М. Уолт входил в тройку лучших. Оглядев Донда, он удовлетворённо кивнул. Какую бы одежду Донд не носил, сущность его оставалась прежней. Хорошая смена подходит, подумал М. Уолт.

– Тебе бы вес набрать, да улыбаться почаще. Тогда совсем будешь на посадских похож. Чего в дверях встал? Проходи.

Донд закрыл дверь и сел на стул.

– Из Синдиката новости скверные, – начал М. Уолт. – Агенты, посланные к Макди, уже месяц на связь не выходят. В Синдикате думают о самом худшем варианте. Нам предписывают забыть об этом деле, и заняться местными проблемами.

– А какие здесь проблемы? Нет тут никаких проблем.

– Значит, надо их придумать. – Тихо сказал М. Уолт.

Сказал мягко, да уколол больно. Донда охватило волнение. Тревогу не выдал, но призадумался.

Каждый месяц в Синдикат с круглой суммой уходит отчёт о делах посадских. После победы, сотрудники ЗАО были на хорошем счету у руководства Синдиката. Что же получается? Проблема с Макди не решена. Нужна компенсация в другой области и в другой сфере деятельности. Кому-то там, наверху, срочно потребовалось возместить моральный ущерб от провала операции «Макди», чтоб его кувыркало и мутило! И филиал в Посаде подходит для этого как нельзя лучше.

М. Уолт наблюдал за Дондом. Поймёт, или нет?

– Организуй мне встречу с гоблином. – Приказал он, решив, что Донд обязательно всё поймёт.

Вечер мягко гасил солнечный свет. Мужики посадские потянулись в кабаки. Купцы солидные не спеша шли в ресторацию «Пьяный гоблин». Купчишки разночинные, рангом невысокие, спешили сделки дневные завершить и слово своё скрепить чаркой – другой вина франзонского. Мастера дела кузнечного парились в баньках. Кое—где уже костры пылали. Девки молодые хороводы водили. Дружинники статные веселились, глядя на забавы девицы.

Донд не раздумывал долго. Коли захотелось М. Уолту с гоблином встретиться, значит, так тому и быть. Он тут же поспешил в ресторацию «Пьяный гоблин».

Заведение сие, как только появилось в Посаде, сразу волнение вызвало в народе посадском. И волнение не малое!

Как ни старались Седобород, Комер-сан, и М. Уолт подготовить Посад к переменам, а народ посадский всё по старинке думал. Не замечали посадские что перемены, так всех пугавшие, уже происходят. И остановить их нельзя.

А ресторация...

Одним кабаком больше, одним меньше, какая разница?

Да не так всё просто, и не все так думали. Официально ресторацией управляла вездесущая Гадина. Сам факт этого вызывал массу кривотолков. Где это видано, чтобы баба делом кабацким занималась?! А тут ещё пошли по базарам и ярмаркам слухи гулять, мол, не обошлось тут без нечисти. Вроде как между Чер-Тумом и братцем его поганым Сичкарём (тьфу! тьфу!) с одной стороны, и Гадиной с другой, договор вышел. А посредником в деле том выступил гоблин Сэр Тумак. После слухов таких, на открытие ресторации никто не пожаловал. Ночью двери дубовые были обильно оплётаны.

Сколько Донд жил в Посаде, а всё понять не мог – что же это за люди такие, посадские. Сначала плюнуть норвят, потом просто не замечают, после привыкают. А как привыкнут, так любить начинают. Считают своим исконным, родным и дорогим. И не важно, что времени иной раз требуется месяца два, а когда и десяти лет мало. Попробуй, скажи им, что это и есть перемены, – в лицо плюнут и нечисть помянут!

«Пьяный гоблин» за два месяца стал самым популярным заведением в Посаде. Появились постоянные клиенты. Для близких знакомых хозяйки всегда были готовы отдельные комнатки.

Седобород и Комер-сан любили бывать здесь днём, когда народу в заведении не так много. Сойдутся два старых лиса возле дверей ресторации как бы случайно, поприветствуют друг друга чинно, и усаживаются за один столик. Пьют чай душистый, на травах заваренный.

А хундустанцы обычно утром заглядывают. Пьют кофе, и удивляются умению повара готовить напиток сей не хуже, чем они сами делают.

Итайские купцы богатые собираются каждый пятый день. Едят пельмени, уксусом приправленные, и водку пьют рисовую.

А по вечерам кого здесь только не было! И франзонские купцы, жареных цыплят вином поливающие, и бовусские негоцианты, к свиным сарделькам слабость питающие и к пиву ячменному страсть как привязанные. И местные, посадские, во хмелю весёлом осетров больших на стол заказывающие, – подходи любой, ешь сколь можешь! Иногда сам Сэр Тумак заглядывал, на радость хозяйке и мужу её, на удивление гостям. Выпивал полведра пива тёмного, окидывал зал взглядом строгим и... вдруг улыбался. После чего начинал байки весёлые травить, чем потешал посетителей безмерно.

Лад сперва ворчал на жену. Много времени она уделяла затее своей. Потом смирился. Не хотел жену обижать. Особенно после случая одного. О том весь Посад ведаёт, пришла и вам очередь узнать.

С появлением Гадины в Посаде многие связывают события странные, дикиховинные. И клубы женские она придумала, и Совету старейшин долго докучала, что бы разрешили ей совет женщин посадских создать. Разрешили. Допекла Гадина старейшин. А потом спохватились, да поздно было! Теперь в Посаде почти каждую неделю проходят митинги и собрания суфражисток каких-то.

Суфражистки те носили одежду мужского кроя, и пили в кабаках брагу не хуже мужчин иных. Что они хотят, – Совет старейшин не знал, и знать не хотел! Шумят девки глупые, – чего их слушать? Пушай горло дерут! Но тут, словно на беду, объявились ещё и феминистки крайне правого толка, тьфу! Они толпами осаждали ЗАО мафиозное, требуя, что бы их приняли в мафию. М. Уолт не раз намекал Совету старейшин, что если не прекратятся безобра-

зия сии, то он сам найдёт управу на баб строптивых. Дальше слов дело не шло. Но по базарам и ярмаркам шум стоял от слухов и сплетен.

А когда Гадина, (и какая муха её укусила?!), собралась наладить издание газеты «Гадюкины ведомости», терпение Совета старейшин лопнуло! Сам Зуб пожаловал к Ладу в гости. Кричал старый, ногами топал, бородой белой в бешенстве тряс. После остыл, просил утихомирить Гадину шальную, иначе беды не миновать. Гадина обиделась, ночь слёзы лила.

– В других странах всё как у людей, – причитала она, – купил газету и все новости знаешь!

– А у нас базары на что? – Приструнил тогда Лад жену. – Хочешь что-то узнать, ступай на базар! Даже если сама не спросишь, люди всё равно скажут!

Гадина три дня дулась. Стелила мужу на сеновале. А потом вдруг ласковой стала. Появилась у неё идея ресторацию открыть. Совет три дня рядил, что да как, да нет ли тут подвоха какого. И решил – пускай лучше ресторацией балуется, нежели общественное мнение баламутит. Так появился «Пьяный гоблин». В утеху обиженной Гадине, да для спокойствия Совета старейшин.

Толкнув дверь дубовую, Донд вошёл в зал и огляделся. В «Пьяном гоблине» яблоку негде было упасть. Волной накатывал разноречивый говор. Ароматы с кухни плыли такие, что впору язык глотать. Тут заметил он Наковальню.

Восседали Мечпругович за столом с кузнецами знатными, пил катанку мафиозную, закусывал поросёнком жареным.

– А-а, вот и друг мой любезный пожаловал! – Гаркнул Наковальня на весь зал. – Эй, стул гостю дорогому!

Тут же стул подали. Уважали Мечпруговича. А кто-то и побаивался.

Донд присел за стол щедрый, выпил – закусил.

– Мечпругович, мне бы Лада повидать.

– Дело есть какое? Да ты ешь, ешь. В ЗАО вашем вряд ли поросёта такие водятся. Если только на рынке где прикупите, а так... Хороша кухня у Гадины, а? То-то. Шустрая она баба... А Лада здесь нет. Сам хотел с ним поговорить. Видать, не придётся сегодня.

– А где он?

– Не знаю, – пожал плечами Наковальня.

– А Гадина знает?

– Может и знает. Да только не скажет. Оберегает Лада от всех и вся. Даже на Седоборода кричала на днях. Дед в сердцах за бороду дёрнул, да без толку. Она же, как Лад, не заговорная! Видел бы ты как она потом Ярома Живодёра за чуб таскала! На виду всей дружины! А за что? За пустяк. Вздумалось тому пригласить Лада в слободу для боёв показательных. Ох она осерчала! Схватила Яромушку за чуб и давай вопить: – «Знаю я ваши бои! Опять бражничать будете!»

– А Лад куда смотрел? – Изумился Донд.

– А что Лад? Любит он её. Крикнул ей, чтоб Ярома отпустила, так она в слёзы! Одно слово – хитрая.

– Умная.

– Что?

– Ничего. Ладно, Мечпругович, некогда мне сидеть. Щедрый стол у тебя, да дела зовут. Спасибо за угощение.

– Ступай. Встретишь Лада, скажи, чтоб ко мне в кузни заглянул. Я к нему домой не пойду. Ещё хватит Гадина кочергой по спине, убить не убьёт, а синяк оставит.

– Тебя то за что?

– Кто знает, что у бабы на уме? – Усмехнулся Наковальня. – Умная она, милая и красивая. А ум набекрень.

Донд задумался. После слов таких расхотелось ему идти домой к Ладу. Не замечал он за Гадиной странностей таких. Да только давненько он не был в гостях у Лада. Поди, уж месяц прошёл. А за месяц многое может произойти, тем более в разуме женщины.

Где же Лада искать? К Седобороду идти, или к Комер-сану? Ладно, нет надобности вокруг ходить да около, надо на заимку к гоблину идти. Одному, конечно, страшновато. С Ладом то оно сподручнее. Нечисть его за своего считает. А один придёшь, – неизвестно чем всё кончится. Гоблин друг хороший, спору нет. Но гости у него скверные иной раз бывают. С Ладом они считаются, а вот кто Донд для них, ещё вопрос.

Нащупал Донд под рубахой ножи метательные.

Леса поредели. С трёх сторон Посада вырубки шли. С четвертой, там, где дом Седоборода в землю врос, лес не трогали. Туда то и отправился Донд.

На заимке мало что изменилось. Кряжистые пни, сосны высокие, берёзки стройные, болото вонючее. Стены избёнки ещё больше мхом покрылись. На крыше дёрн травой порос.

Гоблин встретил Донда на крыльце. Сидел Сэр Тумак и задумчиво в болото глядел. Шерсть на нём кое-где поседела, а местами и вовсе повылезла. Комары злющие роились над ним, хлопот особых не причиняя.

– Здрав будь, хозяин лесной. – Приветствовал друга Донд, от комаров отмахиваясь.

– Да какой к Чер-Тую хозяин?! – Широко улыбнулся гоблин. – Это леший лесу хозяин. Я ему и в подмётки не гожусь. Присаживайся, побратим. Пивка попьем. Одному мне оно в глотку не льётся.

– Думал Лад у тебя в гостях. – Донд прихлопнул комара, растёр в пальцах тельце пухлое, кровушкой налитое.

– Был Ладушка, был. – Вдохнул гоблин. – Да вчера Сичкарь гостя в болота к себе увёл. Меня не пригласил. Теперь жду когда дружок из болота вернётся... Составь компанию, очень прошу. Пиво хорошее, но в одиночестве не пьётся мне.

– С удовольствием. Только от мухоморов сушёных откажусь. – Донд сорвал веточку берёзы и стал отмахиваться от тварей кровососущих.

– И правильно. В этот сезон у меня их не так уж и много. Я тебе рыбки дам. Неделю назад водяной с Песчаного озера лещей прислал. Жирные, полпуда весом каждый. Да только свинину парную они мне не заменят... Засушил я их.

Поднялся Сэр Тумак кряхтя, зашёл в избу и вернулся с корзиной лыковой, из которой торчали хвосты лещей сушёных.

– Держи.

Донд стал чистить рыбу, не забывая от комаров отмахиваться. Гоблин нацедил из бочки две кружки, из-под крыльца достал связку мухоморов сушёных.

– Я к тебе с делом, – начал Донд.

– Сперва пивка попьем. В компании оно завсегда вкуснее. А о деле потом поговорим.

– Ночь скоро.

– Не беспокойся. Переночуешь у меня.

Такая перспектива Донда не устраивала. Лад не раз рассказывал про ночёвку на заимке. Выскакивают твари разные из шерсти гоблина и начинают по избе рыскать. Гоблину от них никакого беспокойства, а человека так укусят могут, – неделю чесаться будет. Это тебе не комар, его прихлопнул и делу конец. А тварей из шерсти Сэра Тумака разве что молотком задавишь. Да ещё храп стоит такой – ночь глаз не сомкнуть.

– За гостеприимство спасибо. Но мне в Посад вернуться надо.

Гоблин косо на друга посмотрел.

– Не бойся. Тварей вывел я всех. Спасибо Гадине, чтоб ей пусто было! Послала мне как-то подарочек – мыло жидкое, заморское. Помылся я в баньке, и вся живность из шерсти

моей исчезла. Я то, дурак, на радостях два бочонка пива выпил, три дня чистый ходил. А где это видано, чтобы нечисть чистой была? Выслушал выговор от Сичкаря, и задумался. Твари эти меня щекотали, засыпал я с удовольствием. А теперь что? Ни одной вши во всей шерсти! Не сплю, а маюсь.

– Так не мойся больше.

– Не моюсь. – Вздыхнул гоблин. – Бесполезно. И в болото плюхался, и по земле комом валялся. Ни одной твари в шерсти не завелось. Заговоры разные пробовал, да где им супротив химии заморской! Думал постричься. Да ни одна цирюльня посадская меня на порог не пустит! Удружила Гадина, нечего сказать!

Гоблин плюнул в сердцах. Выпил кружку в два глотка, съел горсть мухоморов и с тоской оглядел себя.

– Ладно, коли спешишь, говори, что за дело.

– М. Уолт хочет с тобой встретиться.

– Зачем?

– О забаве одной хочет поговорить.

– Почему со мной? – Сощурил глазки гоблин. – В Посаде шутников охочих до забав разных всегда хватало.

– Забава забаве рознь. Так когда в гости ждать?

– В Посад не пойду. Пусть М. Уолт сам приходит. Завтра к вечеру. Не обидится?

– А что ему ноги жалеть? Засиделся он в Посаде. Решено. Завтра вечером жди.

– Не спеши. Попей пивка. Вон у тебя и кружка совсем высохла. Скоро Лад вернётся, вместе в Посад вернётесь.

– Может, Сичкарь его три дня у себя держать будет.

– Слышь, болото ворчит? Идут, родимые.

– Кто?

– Сичкарь с Ладом.

Донд напрягся весь. Видел он Сичкаря один раз, в день битвы знаменитой. Зрелище не для слабонервных.

– За ножи не хватайся. – Предупредил СэрТумак, заметив тревогу друга. – Сичкарь не жалуется нервных. А ножи твои против него, что иголка против слона. Слышал о таких?

– Даже серебряные? – Шёпотом спросил Донд, вглядываясь в марь вечернюю над болотом.

– Серебряные? Хм... Серебро, оно, конечно, может его раздражить. Да только хуже будет.

В болоте всегда много звуков живет. Нет абсолютной тишины на болоте. Но вот сквозь шорохи разные, потрескивания и вздохи (не иначе как кикиморы по лешему вздыхают) слышались шаги глухие, словно обуты ноги идущих в тапочки из меха болотного. Вскоре вышли две тени из мари к заимке. Лад был весь в грязи. Сичкарь болотный возвышался над ним, и морда его поганая то ли улыбалась, то ли скалилась грозно.

Донд сглотнул слюну, на язык наплывшую, и замер на крыльце.

– Донд! Вот уж кого не чаял здесь увидеть. Сэр Тумак, надеюсь, отведал побратим пивка твоего знаменитого?

Спросил с ходу Лад.

Излишне. Но для Сичкаря все сразу ясно стало. Не враг пожаловал на заимку, – друг.

– Что ж, Лад, – прорычала нечисть, – обо всем столковались. Седоборода успокой, весточку вовремя пошлем. А теперь мне пора, дела ждут.

Сичкарь посмотрел на Донда, тот дыхание затаил. Языком длинным зубы тронула нечисть и растворилась в мари. Донд перевел дыхание.

– Уж не у Чер-Туя пропадал? – Спросил гоблин у Лада, и кружку ему наполнил. После Донду плеснул и себе.

– У него, поганого. Только о том многим знать не следует. Донд, ты как сюда попал?

– Дело было к Сэру Тумаку. Тебя хотел увидеть. Где еще с тобой встретиться, как не здесь.

– Зашел бы в гости. Гадина всегда рада гостям дорогим.

Гоблин и Донд хмыкнули.

– Даже мне известно, как она гостей встречает, – хохотнул гоблин. – Посад о том давно гудит.

– Да ну вас! Дело обсудили? Тогда пойдем, Донд. Мне в Посаде надо быть. Иначе Гадина такое устроит, всей нечисти жутко станет! – Улыбнулся Лад и выпил пиво. – Не скучай, СэрТумак. На днях обязательно загляну. Пивка попьем, лещей твоих отведаю. Кабана живого принесу. Надеюсь, угостишь отбивными своими знаменитыми? А хочешь, пойдем с нами. В «Пьяном гоблине» для тебя всегда столик найдется.

– Знаю. Но не люблю, когда на меня люди глазают, словно диво дивное видят. А про кабана не забудь. Буду ждать. Давненько я мяса на костре жареного не ел. Таскать свиней у посадских для меня теперь не солидно. Как-никак – почетный гражданин Посада. А в лесу ловить – с лешим войну начинать. Он, гад, над каждой зверушкой трясется, будто мать родная!

– Тяжко тебе. – Пожалел его Донд.

– Ничего. На лягушках перебиваюсь, пока леший не видит.

Седобород строго смотрел на Донда и Лада. Комер-сан сидел в углу и пил вино франзонское. Черный ворон говорящий устроился на плече его и что-то тихо каркал. Комер-сан соглашался и кивал головой.

– Твои прогулки к нечисти не могут не вызвать интерес!

Когда Седобород серчал, лучше молчать с виноватым видом. Что Лад и делал. Кто знает, что у старика на уме? Вывести его из себя – дело не хитрое. И Лад в нем довольно преуспел. А вот успокоить – тут дело мудреное. Ты ему слово, а он тебе десять в ответ. Да таких, после которых у многих волосы дыбом стоят или седеют. Последнее Ладу не грозило. И так как лунь седой. Но все же лучше не рисковать.

– Когда я прошу, это одно. – Продолжал выговаривать Седобород. – А когда по своей воле часто шастаешь – это другое. Я тебе что говорил? Зайди к гоблину, оставь весточку. А ты что сделал? К Чер-Тую на болото пошел!

Седобород погрозил Ладу пальцем.

– Так ведь делу от этого хуже не стало. – Попробовал оправдаться Лад.

– Откуда тебе знать, что лучше, а что хуже? А ты чего молчишь? – Напустился Седобород на Донда. – М. Уолт худое замышляет, а ты ему первый пособник!

– Я не мужик посадский. М. Уолт мой босс. Перед ним и ответ держу. – Пробурчал Донд, удивляясь осведомленности старика. И все-то он знает. Откуда?

– Вот вам мой совет. Впредь ничего сами не затевайте. Затеи ваши молодецкие, а проку от них как от козла молока. А теперь ступайте вон.

Оставшись с Комер-саном наедине, Седобород улыбнулся.

– Ну, как я их, а?

– Запретный плод сладок, – изрек Комер-сан. – Они теперь от дел своих ни за что не отступят.

– Нам только это и нужно. Большую игру мы затеяли. И ум молодой да хватка стальная нам ох как понадобятся.

– Пригодятся, – согласился Комер-сан. – А вот как с Гадиной быть? Она может все карты спутать. Умом она не обижена, да и хитростью не обделена...

Шумел Посад, словно ветры северные над ним мчались. Полнились базары и ярмарки слухами, одни чуднее другого. Купцы и негоцианты заморские, подмастерья разные, – все уши навестили, да из уст в уста передавали сплетни последние. Мол, ждет Посад в скором времени событие большое. Из заморских стран послы едут.

Удивлялся кто-то – зачем? Купцов заморских и так пруд пруди. Отвечали таким – не простые купцы едут, а люди государственные, послы. Признали, значит, Посад Торговый равный себе не только в делах торговых, но и в дипломатии.

А еще бабки-ведуньи поговаривали, что Лад Посадский совсем с нечистью снюхался. Принимает подарки от гоблина – лещей вяленых. Лещи те не в сети пойманы, а водяным на берег выброшены. И еще старухи плели, что к самому Чер-Тую, чтоб ему поганому в слюне утонуть, Лад не раз и не два на болото хаживал.

А жена Лада, Гадина, во всем потакает мужу. В доме собственном нечисть как гостей знатных принимает.

Не многие тому верили. Союз женских посадских всячески опровергал домыслы эти. Феминистки совсем от рук отбились. Кричали на всех площадях, что, мол, у нечисти тоже права какие есть. А какие у нее права, у нечисти-то? В лесу хозяйничать, людей добрых пугать? Вон, вырубку затеяли, и из казны немалые деньги на выкуп легли нечисти поганой. Что же нам, посадским, с нечистью теперь еще и торговлю вести?! Да колом осиновым всех их причесать, чтоб хари свои окаянные из болот мрачных поднять не смели!...

Только вот что странно. Любые слухи и сплетни на торговле всегда сказывались. Как поплавок на волне пляшет, так и торговля на слухи разные отзывается. А в этот раз цены не подскочили, да и вниз не сползли. Дефициту какого на базарах и ярмарках приказчики не наблюдали. Да и Совет Посадский молчание хранил. Обычно выступит старец какой, уполномоченный Советом, народ образумит, и снова все в русло свое войдет. А теперь все как воды в рот набрали, – молчат.

М. Уолт недоумевал. Чего Седобород и Комер-сан задумали? Побеседовал он с гоблином. Уважил просьбу Седоборода. Ни Донд, ни сам гoblin не догадывались о причинах. Ни одна живая душа не знала, что по просьбе старика вредного М. Уолт, представитель Синдиката, к нечисти на болото ходил. Озадачил Сэра Тумака идеей какую-нибудь гадость в Посаде учинить. А зачем? Гоблин все равно Сичкарю все расскажет, да с Ладом поделится. Тут еще Донд насупился. Сказал, что был у Седоборода. Тот думает, что М. Уолт недоброе замышляет. Что-то тут не так. Матерый мафиозник, М. Уолт знал толк в интригах разных. И нюхом чуял сейчас игру большую. Вроде тайно все сделано, а утечка информации все равно идет. Слухи гуляют по базарам. Может, так и надо? Кому? И против какого противника все эти ходы задуманы?...

Глава 2

Вышел как-то спор между Наковальней Мечплуговичем и Яромом Живодером Вырвиглаз.

Дело было в кабаке, что возле артели кузнечной испокон веков стоял. Кричал хмельной Яром, что нет в мире стали крепче хундустанской. Хозяин кабака, сам бывший кузнец, пытался утихомирить воеводу пьяного, да только в глаз получил от подручных Ярома. Один Яром в кабак кузнечный никогда бы не пришел. А с ватагой молодцов статных чего же не заявиться да не пошуметь?

Жизнь в Посаде после битвы славной спокойной стала. О заслугах Ярома люд посадский забывать стал. Вот и решил Яромушка, бедова головушка, подерзить с кузнецами. Какая муха его тогда укусила, за живое схватила да разума лишила, нам неизвестно. Но напился он тогда сильно. И кричал громко. Так громко, что Наковальня не выдержал. Он как раз из баньки шел, ну и заглянул в кабачок. А тут Яром...

Осадил Наковальня одним ударом охальника и дружинников его напугал.

Когда пришел Яром в себя, Наковальня зарок ему дал, что создаст сталь не хуже хундустанской. А может и лучше. Но если Яром не прекратит себя вести как последняя нечисть, не видать ему стали той. Не доживет.

Согласился Яром. На кон поставили по кульку серебра, деньги немалые, и на том разошлись.

Посад пошумел два дня по этому поводу и забыл. Зуб, чтоб Ярома без дела не оставлять, (а то, глядишь, еще с кем-нибудь от безделья схватится), да чтоб за дерзость наглую наказать, (никому не дозволено кузнецов посадских – гордость Посада, задирать почем зря!), велел ему собрать всех, кто в кабаке с ним был, и на Песчаное озеро ехать. Разведрейд осуществлять. Задачу Зуб поставил, а разъяснить забыл – супротив кого разведрейд?

О Песчаном озере у Ярома воспоминания плохие были. Он бывал там, с нечистью столкнулся, еле ноги унес. Второй раз пережить подобное у него желания не было. Потому до Песчаного дружинники не добрались. Как только выехали из Посада, сразу налево свернули. Десять дён на сеновале одной вдовушки-ведьмочки отсиживались. За это ей сена накопили, дров нарубили, крышу перекрыли по-новому, да забор повалившийся восстановили. После в Посад воротились гордые. Про задание у них никто не спросил. Так что врать не пришлось. Отмолчались.

Про спор Яром не забыл. Явился в артель кузнецов, спросил у Наковальни – скоро ли сталь будет готова?

– В срок установленный. – Отвечал кузнец главный.

Срок был установлен на конец лета. И чем ближе подходило время, тем больше задумывался Наковальня.

В Посаде жизнь кипела. Ждал люд посадский послов иноземных. Все, от мала до велика, в нетерпении пребывали. А Наковальня кузни свои менял на «Пьяного гоблина», после чего опять в пекло спешил. И так каждый день. В ресторации денег спустил больше, чем в заклад ставил. Да только не волновали его траты такие. Заела кузнеца мысль про сталь прочную. Потерял он ко всему интерес, кроме дела родного – дела кузнечного.

Таким и увидел его Лад, в гости к кузнецу заглянув – задумчивым, ни с кем говорить не желавшим.

– На ловца и зверь бежит, – встретил гостя кузнец стаканом бражки. – Только недосуг мне сейчас, Лад, по-пустому болтать. Искал тебя несколько дней. Поговорить хотел. Теперь перегорело все, словно печь старая.

– Слышал я про беду твою. – Лад пить отказался. Уселся под навесом за стол широкий, ладонями кузнецов до блеска отполированный. – Если могу чем помочь, говори.

– Хитришь, Лад. Нехорошо так с друзьями старыми поступать. Не за тем ты пришел, чтоб делу моему подсобить. Собственная нужда привела.

– Правда твоя... Только дело мое и тебе помочь сможет. Ведь спор Ярм выиграл, о том весь Посад говорит.

Наковальня рукой махнул.

– Серебра не жаль. А вот сталь хорошую давно бы пора Посаду собственную иметь. Ладно, чего уж там, дело это мое, тебе о нем думать незачем. Говори про свои дела.

– Решили мы снова в поход дальний идти.

– Кто это «мы»?

– Я, Донд и еще кое-кто.

– Этот «кое-кто» не гигантский ли комок шерсти?

Ухмыльнулся Наковальня.

– Он самый. Сэр Тумак.

– Веселая компания... А что за нужда вас из Посада гонит? И далеко ли собрались?

– Далеко. В страны заморские, где дома крышами небо трогают. А нужда, она всегда одна – спокойствие Посада торгового.

– Незачем так далеко ходить. Дела заморские сами в Посад идут. Обождать вам следует. Вот встретим послов иноземных, а после и про поход ваш решим.

Целых десять дней пребывали послы иноземные. Совет Старейшин встречал их достойно – хлебом-солью. Послы важные улыбались и дивились жизни посадской.

Старый Зуб устроил аудиенцию каждому послу. Седобород и Комер-сан при сем присутствовали и внимательно следили за каждым. После выводы спешили делать – этот посол неважный, пришел, чтоб себя показать, не более. А на что нам павлины такие? А этот толковый будет посол. Прибыл с подарками дорогими и грамоты государственные не забыл показать.

Каждому посольству своя изба была дана. Зуб от гордости и тщеславия как индюк надулся. Велел устроить перед гостями смотр дружины посадской. (О том Седобород посоветовал. Пускай, мол, послы сперва силу военную увидят, а после и по ярмаркам поводить можно.) Дружина статью смотрелась, доспехами блестела, оружием бряцала, на конях гарцевала. Ярм Живодер Вырвиглаз, за глаза Бородавка, дружиной командовал, глазами сверкал, девок посадских в смех приводил. Указывая на него, Зуб послам говорил:

– Раньше-то, значит, дружину для забавы держали. А после победы славной оценили по заслугам силу оружия посадского. Вот совсем недавно вернулась дружина с Песчаного озера, где нечисть обосновалась. Ни одного человека не потеряли. А трофеев десять возов в Посад пригнали.

Брехал Зуб нагло, опять-таки по совету Седоборода.

После в «Пьяном Гоблине» ужин светский прошел. Собрались все знатные купцы посадские и послы иноземные. Разговоры приветственные на деловой лад перешли. Купец посадский – мужик хваткий. Чего зря словами играть, когда можно о деле говорить. Послы головами качали – сноровка торговая у посадских в крови.

Спустя дней десять, попросил Седобород Лада позвать к нему вечером в гости М. Уолта, Донда, Наковальню, Ярму и гоблина.

– Пусть жена твоя тоже придет. – Сказал старик Ладу, когда тот уже за порог ступил.

В тот же вечер собрались все званные в избе Седоборода. Отказать старику никто не посмел. Знали, по-пустому Седобород звать не станет. В избе встретили их Зуб, Комер-сан

и сам хозяин, Седобород мудрый. Ворон говорящий на окошке сидел, перья чистил и смотрел иногда на Седоборода глазом черным. А когда и каркал мрачно, от чего все вздрагивали.

Уселись все по лавкам. Гоблин, с бочонком пришедший, тут же пиво всем предложил. Седобород возле жаровни встал, кинул в угли траву пахучую, произнес заклинание против ушей лишних и речь странную повел.

– Гости в Посад из земель дальних пришли. Посад всех приветил, уважение оказал. Послы тем же ответили. Из земли итайской от Стена Великого люди известия добрые принесли. Слобода итайская в Посаде многолюдна, торговля их много в казну посадскую дает. Да и сами итайцы выгоду большую имеют. Благодарит купец известный Посад за отношение доброе к своим землякам. Хундустанцам тоже жаловаться не приходится. Они у себя людей Песков приняли. Те от Девы Песков грамоты торговые Зубу вручили. Хочет мать всей нечисти, чтоб и прежде отношения хорошие меж нами оставались. То и нашим чаяниям отвечает. А вот из стран Союза Приозерского – из Бовуссии и Франзонии, вести тревожные. Не многие там супротив монополистов голос подать могут. Мелкие купчишки разоряются. Многие в Посад желают перебраться. Посаду то на руку. Купцов смекалистых завсегда принять готовы.

– О том весь Посад знает, – перебил старика Яром. – Чего нам опять все это выслушивать? А от Девы Песков зря грамоты приняли, так думаю. Она, погань песчаная, нас чуть в барханах ужасных не сгноила. А мы ей теперь дань уважения платим!

Зыркнул Седобород на Ярома, у того язык и отнялся. Мычит, бедолага, что-то, а что – понять никто не может.

– Твое дело – готовность дружины! – Махнул рукой Седобород и речь к Ярому вернулась. – А я все это к тому говорю, чтобы вы масштаб событий происходящих уразумели. Известно нам, что к каждому из вас люди странные подходили. Вот и хотим мы узнать, о чем речь вели гости заморские. И не стоит отрицать того! Чтобы они к вам подходить стали – забота наша большая была!

– Вот с чего по Посаду слухи разные бродили. – Начал понимать М. Уолт. Улыбнулся он старикам мудрым. – Ох, и хитры вы, деда вековые! А я понять не мог – к чему такой разброд в Посаде устраивать.

– Догадался, значит. – Комер-сан взглянул на Седоборода. – Говорил я тебе, люди Мафии быстро все смекают.

Остальные ничего не понимали.

– Да в чем дело, скажет кто-нибудь?! – Взорвался Наковальня.

– Скажем, скажем, – успокоил Седобород и лучину зажег. – Стало нам известно, что среди послов могут недруги Посада скрываться. Предупредили нас задолго до приезда гостей иноземных. Ты, Яром, нечисть ругаешь, а ведь от самого Чер-Туя первое предупреждение пришло.

Яром сплюнул. Седобород головой покачал.

– Да еще голос Эхо помог. Его Стен Великий к Ладу отправил. Да только Лад со сна ничего не понял. А когда уразумел, мы уже и сами знали. Так-то. И не зря про всех вас слухи по базарам и ярмаркам ходили. Думали мы так, – послы по базарам шастать начнут, слухи и сплетни собирать. А по ним выходит, что каждый из вас чем-то в Посаде недоволен. Вот и кинутся вороги тайные первым делом к вам. Понятно? А раз так, говорите теперь, с кем и о чем беседы имели. Да каждую мелочь вспомните, нам сейчас любое слово может верный путь указать.

Призадумались все, вспоминая события последних дней. Верно, к каждому послы подходили. Разные речи вели. И о торговле, и о жизни посадской. Но кто из них враг тайный?

– Ко мне тут на заимку, – начал гоблин, пивка глотнув, – от людей Песков приходили. Мол, шлет Дева Песков мне привет и мечтает со мною в карты сыграть, чтобы реванш за проигрыш прошлый взять.

– Что еще за реванш? – Сплюнул Яром. – Товару такого в Посаде отродясь не видел.

– Замолчи, Бородавка! – Рывкнул Седобород. Голос его, всегда с хрипотцой, выбрал теперь в себя все интонации баса глубокого.

Яром язык прикусил. Гоблин пива ему налил и продолжал:

– А еще хотели Сичкаря Болотного видеть. Устроил я им встречу, век не забудут! – Засмеялся он.

– Они и у меня были. – Сказал М. Уолт. – Говорили, что знают о моем положении. Чтобы ЗАО на хорошем счету оставалось в Синдикате, я-де с гоблином решил шороху в Посаде навести. Обещали подсобить.

– Вот-вот. И мне то говорили. – Подтвердил гоблин. – Мол, раз нечисть на Посад обозлится, мы, послы Девы Песков, в стороне не останемся. Всякую помощь окажем.

– Вот ведь ведьма проклятая! – Крикнул Яром и тут же язык прикусил, заметив взгляд недобрый Седоборода.

– А ко мне франзонцы подходили. Спрашивали, не скучаю ли по Франзонии. – Сказала Гадина.

– Из далека бьют. – Промурлыкал Комер-сан.

– А еще на счет газеты помочь обещали.

Тут Зуб скривился весь.

– Да не в Посаде, – поспешила добавить Гадина. – Говорили, что во Франзонии помогут дело наладить. Тамошние СМИ большой свободой пользуются. Да только не глупая я. Отлично помню, что газеты франзонские под одну дудку поют. Один кто-то все эти газетенки в кулаке держит.

– Купить хотели, – едко заметил Зуб. – Ох, уж эти мне послы иноземные. И поделаться ничего нельзя – дипломатия, ети ее в бок и через коромысло!

– Мелочи это все, камешки пробные, – вздохнул Комер-сан. – Ты-то чего молчишь, Лад? Ведомо нам, и к тебе подходили.

– Подходили, – понурил голову седую Лад. – Да только говорить о том не хотел. Стыдно.

– А чего стыдиться-то? – Не понял Яром.

– А то, что за врага Посада меня посчитали!

– Кто?

– Послы из-за моря, из страны небоскребов.

– А вот это интересно. – Седобород провел рукой над жаровней, пламя в потолок ударило и в угли опять ушло. – Ну-ка, ну-ка, говори, да подробнее вспомни все.

– Подошли двое, в одежде мафиозников. О битве спрашивали, интересовались, правда ли меня заговоры не берут, и не от этого ли все беды мои. Какие беды, спрашиваю. Да вот, мол, слухи по Посаду ходят, что ты с нечистью сошелся. Остальным невдомек, что тебе судьба шанс дала, который раз в жизни выпадает, да и то не всем. Сам себе хозяин. Хочешь – с нечистью дело имеешь, хочешь – с людьми. С людьми-то, отвечаю, сподручнее. А они мне – с нечистью выгоднее. Сколько в мире примеров, шепчут, когда человек рисковый, за жизнь свою и душу не дрожащий, дела великие свершал с помощью сил темных. И Посад для такого – достойное поле действий. Вот.

– Гладко стелили, – заметил Комер-сан. – Дипломаты.

– Порубить всех в куски! – Вспылил Яром. – В Баньке сжечь врагов окаянных! А за одно и с нечистью покончить! Коли Ладу речи такие услышать довелось, наверное, и к нечисти гонцов засылали.

– Ты на нечисть зря не наговаривай. – Шерсть на гоблине дыбом встала. – Говорю же, приходили. Только Сичкарь не лыком шит. Ответил хитро и уклончиво. А после велел своим следить за подступами дальними к земле посадской.

– А ты что скажешь, Донд? – Комер-сан лукаво взглянул на мафиозника, прежде подмигнув М. Уолту.

– Следить за всеми надо. Если что не так, тут же ликвидировать.

– Так и до скандала международного докатиться недолго. Нет, здесь хитрее действовать надо. Мечплугович, к тебе-то не заглядывали?

– А как же, заходили. Только я внимания не обратил на речи их. А теперь по иному на слова хитрые смотрю. Намекали мне, что известно им про спор мой с Яромом. Обещали секрет стали хундустанской достать.

– Мы так не договаривались, – забеспокоился Яром.

– Заткнись, чтоб тебе Чер-Тую пятки лизать. – Осерчал Седобород. – Речь не о споре вашем глупом, а о более серьезных вещах. Наковальня, кто же тебя речами такими сманивал?

– Одеты были как хундустанцы. Только, думается мне, не они это были. Чтобы хундустанец секрет стали выболтал, – не бывать такому. Он себе язык откусит, а секрета не откроет.

– Сдается мне, – заметил Лад, – не мы одни такие были.

– Что ты имеешь в виду? – Спросил М. Уолт.

– А ведь он прав. – Комер-сан стер с лица улыбку, и все заметили, как стар купец знаменитый. Морщинки под глазами сетью легли. В уголках губ опущенных вся печаль мира собралась. – Не к вам одним подходили.

Тут призадумались все. Да, хорош Посад для многих. Но и недовольных хватает. Среди таких найдутся готовые все отдать ради звона монет, ради славы мирской, ради удачи в делах торговых. Кого тщеславие подведет, кого жадность, а кого обычная человеческая глупость. Среди нечисти тоже всяких хватает. Хоть и держит Сичкарь болотный ораву свою поганую в кулаке железном, хоть и взирает на них с трона, из пня векового дуба да из костей непокорных демонов сделанного, сам Чер-Туй окаянный, но и среди этой братии есть недовольные, мечтающие о куске пожирнее.

– Значит, вот как выходит, – зловеще улыбнулся М. Уолт. – Полон Посад шпионов, а мы сидим здесь и речи праздные ведем. Завтра же соберу отряд контрразведки. Донд, будешь главным в отряде. Все инструкции – завтра утром на общем сборе.

– погоди, М. Уолт, не руби с плеча. Про отряд ты хорошо смекнул. Только Донд нам для другого дела понадобится. – Седобород посмотрел на Зуба и Комер-сана, те головами закивали. – Вот что, Лад, – обратился вдруг дед вредный к купцу молодому, да уже седому. – Про поход свой дальний не забыл?

– Нет. Как же такое забудешь? С того похода все и началось.

– Да не про тот поход спрашиваю, – осерчал старик. – Про новый, в тайне который придумали вы с Дондом.

Покраснели тут оба названных. А у Гадины глаза расширились. Встала она с лавки, руки в бока стройные уперла и уставилась на мужа.

– Втайне хотел удрать?! О чем ты головой седой думал, а?

Заголосила она, и слезы по щекам ее потекли.

– Ты это... вот что... – Растерялся Седобород. И не он один! – Прекрати слезы лить. Слышь, кому говорю!

Гадина всхлипнула.

– А чего он, чурбан неотесанный, от жены любимой бежать собрался?!

– Да не от тебя! – Вскочил Лад. – Прекрати плакать. Позоришь меня на людях.

Гадина быстро смахнула слезу, оглядела всех и на место уселась, будто и не было сейчас ничего. Только Ладу шепнула:

– Дома мы поговорим, дома. – И улыбнулась Седобороду. – Так о чем ты говорил?

– Я? Ах да... о чем же? А, о походе... Гадина, не смотри на меня так. Лад не сбежал, чего же тебе еще надобно?

– Чтобы вы мужа моего в покое оставили. – Прощебетала она мило.

Комер-сан благоразумно молчал. Зуб в сторону смотрел. Остальные потолок разглядывали. Седобород обвел всех взглядом и понял – объясняться с Гадиной предстоит именно ему.

– Он у тебя, чай, не лисенок ручной. Своя голова на плечах есть, – начал Седобород, но, заметив, что Гадина опять вот-вот пустит слезы в ход, осекся. – Послушай, женщина... Лад, чтоб тебе пусто было, успокой жену свою!

– Ну уж нет. Ты задел ее, тебе и ответ держать.

Засмеялись тут все, с облегчением вздохнули. Седобород нахмурился грозно и... рассмеялся вдруг звонко. Одна Гадина не смеялась. Сидела, губки надув, и по сторонам глазками стреляла.

– Ох, утомили.

Отдышался дед, вытер слезы в уголках глаз и сел возле жаровни, на посох длинный оперевшись.

– Теперь к делу вернемся. Надумал Совет посадский своих послов снарядить.

При словах таких все утихли вмиг.

– Да, коль бить врага, так его оружием. Лад, ты возглавишь посольство Посадское. Донд, если М. Уолт не возражает, с тобой пойдет. И гоблина уважаемого о том же прошу. А вот как Наковальня решит – идти ему с вами или нет, – так и будет.

– Пойду, – вздохнул Наковальня. – Куда ж они, дети малые, без меня денутся?

– Мне с ними идти? – Дрогнувшим голосом спросил Яром. Душа его в пятки ушла при мысли, что и ему доведется в этот раз опять все тяготы похода дальнего испытать.

– Нет. Ты в Посаде останешься. С М. Уолтом займешься контрразведкой. Твои дружинники на виду действовать будут. Молодчики М. Уолта – тайно. Они в деле таком мастера великие. О дальнейшем договоритесь сами...

До глубокой ночи затянулось собрание у Седоборода. Посольство решили отправить в начале осени. Гоблин, пошептавшись с Комер-саном, обещал известить обо всем Сичкаря Болотного. Пускай нечисть внимательнее в лесах будет. М. Уолт и Яром обсуждали создание отряда контрразведки. Яром от гордости дулся. Дружина его не только для поля брани оказалась нужна, но и во внутренних делах Посадских пригодилась.

Комер-сан и Зуб сговорились купцов знатных, не один десяток лет на земле Посадской крепко сидевших, предупредить обо всем. Им спокойствие Посада как жизнь собственная.

– А куда посольство пойдет? – Спросил вдруг М. Уолт.

– В страну, за звездными туманами.

– К Макди, значит, – глаза М. Уолта сощурились.

– Ты все понял? – Комер-сан хитро на него посмотрел.

– Теперь да. – Ответил М. Уолт и взглянул на Донда.

Тот чуть заметно головой кивнул. Никто не заметил. Один Седобород видел.

Пока мужики дело обсуждали, Гадина в кладовой Седоборода порылась и нехитрый ужин на стол собрала. Ветчина холодная, зелень всякая, пару курей жареных и чашка икры осетровой – гостинец от купцов итайских. Гоблин бочонок пива выставил. Но больше всего раздражил аппетит у собравшихся хлеб посадский. Как только разломила Гадина каравай в обхват величиной, поплыл по избе аромат пшеничный. К хлебу белому достала она из-под лавки горшок меда лесного. Тут всех голод дикий схватил. Набросились все на еду, а когда

заморили голод, стали вкушать с удовольствием. Даже Комер-сан, избалованный кухней изысканной, и Зуб, на веку своем разносолов повидавший, и те хлеб посадский с удовольствием уминали. Гоблин сперва на ветчину набросился. А когда обглодал окорок огромный, икоту задавил кружкой пива, тоже хлеб с медом есть стал. Ел, крошки ронял да приговаривал:

– Хлеб белый, мед лесной, буду я теперь большой... ммм... Дикий мед, пшеницы дух, буду есть теперь за двух...

– За троих все уминаешь! – Усмехнулся Яром, облизывая с пальцев мед прозрачный.

– А тебе жалко, да? – Обиделся СэрТумак.

Гадина подала ему еще хлеба, и обида Сэра Тумака растаяла. Облил он ломоть медком и улыбнулся ей.

Всем богат был Посад, славой торговой известен, а теперь и славой военной. Всяким товаром похвастать мог. Своего – склады трещат, чужого – тысячи возов под навесами стоят. И чего только здесь нет! А чего нет, не беда, купцам слово молви, пройдет время и появится.

Да, известен Посад. И не малую толику в известности той составляет слава хлеба Посадского. Ароматный, нежный, сам во рту тает. А если его медком полить да молочком парным запить – тут кто хочешь голову потеряет. Изысков в Посаде всегда хватало всяких и на любой вкус. Кто хочет осетра – пожалуйста, крабов заморских – бери корзинами, фрукты, овощи – всего вдоволь. Из разных земель товар такой шел. А вот хлеб и мед были свои, посадские. Были свои, а стали известны во многих землях дальних...

Глава 3

Яром взялся за дело со всем рвением, на которое была способна его деятельная натура. То есть, с ленцой. Вызвал Пустолоба и, поедая картошку с маслом мятую, велел ему:

- Ты вот что... ммм... собери дружинников статных.
- Соберу, обязательно соберу. Не изволите беспокоиться.
- Ага. Вот после обеда и собери... ммм. Всё понял? Ступай.

Пустолоб, пятясь, вышел из избы воеводы и опрометью бросился в слободу дружинную.

В час положенный, послеобеденный, когда любой уважающий себя военачальник предаётся воспоминаниям о битвах минувших, смежив веки и для пущей конспирации похрапывая в кровати мягкой, Яром со сном боролся. Чем являл пример разительный с военачальниками другими. Ждал Яром дружинников своих, ждал и о деле думал.

Явились хорошие, явились званые. Один выше другого, в плечах сажень косая, в глазах озорство. Встали перед воеводой, в струнку вытянулись.

Широко зевнув и муху назойливую отогнав, осмотрел Яром молодцов своих и довольно хмыкнул.

– Хороши, вояки. Хороши. Вот, значит, задача какая. Есть слушок от людей доверенных. Понаехало в Посад шпиков тьма.

Удивился себе Яром. Чинно то как заговорил, а. Это тебе не бока отлёживать. Это, понимаешь, о безопасности Посада заботиться. Выпятил грудь колесом Яромушка, прошёлся вдоль строя дружинников, да как гаркнул вдруг:

– Что сопли распустили?! Чтоб ни одна муха без нашего ведома из Посада улететь не могла! Чтоб ни одна мышь полевая в амбарах зерно таскать не смела, если мы о том не знаем! Понятно, касатики? Не слышу.

– По—нят—но! – Рывкнули дружинники.

– То—то. И смотрите у меня, коли станет кому известно где шпик находится, самому в пекло не лезть. Мне сообщить.

– А чего его искать? – Удивился Пустолоб. – В каждом кабаке он есть. Да на ярмарках и базарах не мало его найдётся.

– Кого? – Опешил Яром.

– Как кого? Шпига.

– ШПИГА?!

– Да. Какой хочешь есть – солёный, копчёный. Да вы... сами... знаете. А что? Что я такого сказал, а?

– МОЛЧАТЬ!!! – Яром подскочил к Пустолобу и ткнул пальцем в лоб его. – МОЛЧАТЬ! На болото к нечисти отправлю! В походах дальних сгною! Тьфу!

Пустолоб побледнел, спиной к стенке прижался. Палец Ярома точно гвоздь в лоб упёрся.

– Всем видимость поисков рьяных создать! Но никого не хватать! За чубы в остроги не тащить! Если кто подозрительный из Посада уехать захочет – препятствий не чинить! Но мне доложить о том немедленно! Понятно? А теперь вон все! И что бы сейчас же за службу взялись! Дармоеды! В—о—о—н! А ты, – Яром убрал палец со лба Пустолоба, – за всё отвечать будешь! И если что не так, смотри, не только места лишишься, но и из дружины вылетит в два счёта!

Пустолоб тут же испарился. Яром ещё долго в избе своей ярился, из угла в угол метался и слюной брызгал. После остыл, выпил кружку пива и, на вечер глядя, отправился в ЗАО мафиозное.

М. Уолт встретил его чашкой крепкого кофе. Лицо Ярота скривилось. Пить темный напиток отказался.

– Мои орлы шуму в Посаде наведут за три дня.

Гордо сообщил он М. Уолту.

– Отлично. При той тревоге, которая появится у некоторых гостей Посада, моим ребятам легче будет вычислить противника. Что бы рыбу вспугнуть, в мутной воде шуметь надо... Сообщайте мне обо всем подозрительном. Надеюсь, вместе нам удастся выявить врагов тайных.

– О том не беспокойтесь. Дружина посадская никогда не подводила.

Забыл Ярот, как с озера Песчаного ноги уносил, а М. Уолт не напомнил. Даже не улыбнулся.

Возвращался Ярот в слободу дружинную и в лица прохожих с подозрением заглядывал. Распирало его от мысли – вот ведь как все обернулось, опять на защиту интересов посадских призван.

Кулачные бои нынче мало зрителей собирают. Удаля дружинников посадских больше негде демонстрировать. Так, по мелочи иногда бывает случай отличиться – разбойников каких на лесных дорожках успокоить, (если нечисти посадской, тьфу, ими заняться недосуг), или с инспекцией на делянки нагрянуть. Вырубка-то леса больно быстро пошла, за всеми и не уследишь. За стволы вековые приличный куш нечисти отдан. Расчищенные площади под ярмарки и базары отводятся. А древесина – казне посадской компенсация. На избы прочные идет, на мосты через речушки разные, а остальное тонкостволье по сходной цене купцам заморским продается.

Вот и находятся умники – две делянки для казны посадской рубят, а третью – для купцов ушлых, закон посадский обойти желавших. Таких ловить надо, штрафы огромные на плечи налагать, пускай для пользы Посада трудятся. А коли второй или третий раз попадутся с махинациями такими, – так и в прорубь зимой можно кинуть, на забаву водяному.

Не всегда удастся поймать хитрых. Ярот с содроганием вспомнил, как однажды сам поехал с инспекцией. Поймать никого не поймали, а страху натерпелся!...

Только выехали на конях на делянку, как рухнул со стоном глухим дуб вековой. Кони уши пригнули, люди с опаской по сторонам глядят – а над делянкой гул растет. Из-под кроны дуба вздыбилось в небо облако темное – шершни лесные. (На дубе том гнездо у них было, а люди и не посмотрели. Знали бы – трогать дуб тот не стали.) Шершни лесные нечисти посадской первые помощники. О том даже дети ведают. Разозлились шершни, гул стеной стоит. Тут-то и спохватились дружинники, да поздно было. Шершень с разгону так ударить может – с коня всадника собьет. До сих пор у многих шишки и синяки не прошли. Хорошо, в кольчугах дружина была, – не ужалить шершням сквозь кольца набранные. Зато били – не хуже камня, рукой сильной брошенного.

Ярот тронул на голове шишку, охнул, почесал поясницу и свернул с дороги в слободу на широкую тропку в кабак. Теперь-то, думал он, у дружины больше шансов отличиться. Лазутчиков заморских ловить, это тебе не с шершнями войну вести...

Гадина на Лада не очень-то обиделась. После совещания у Седоборода стала она мужем еще больше гордиться, – вот он у нее какой, молодой, да уже седой, людьми уважаемый, в любом деле толк знающий. Однако поворчала на него вечер, так, для остротки, на всякий случай. А после приласкала. Мужики супротив хитростей женских все равно, что дети малые. То-то...

В доме у них порядок царил. За хозяйством много народу присматривало. Никто обижен не был – ни жалованием, ни харчами. А верховодила всем старуха суровая – Зятя Тещевна Полосатый чулок Третья.

Из какой такой чащи лесной призвал ее ворон Седоборода – не ведомо. Да только с Гадиной она быстро сошлась. Говорили некоторые, будто сестра она троюродная старухи с Песчаного озера. Той самой, которая кота Баюна прикармливает. Говорили так и плевались. Лад те слухи мимо ушей пускал. Сурова Зятя, слов нет. Но за хозяйством глядит исправно. Спина ее была горбом выгнута, волосы седые из-под платка пухового в стороны торчали. Когда она проворно на крыльцо высокое взбиралась, под юбкой синей были иногда видны чулки полосатые и башмаки деревянные с носками загнутыми.

Зятя не только за хозяйством следила. Она и прислугу врачевала, и девкам молодым ворожила.

Иногда по вечерам садилась она за стол круглый, напротив хозяйки. Девка дворовая, расторопная, – лицо в веснушках, тут же самовар медный на стол ставила. Зятя поправляла платок и раскидывала на столе картинки странные – одни числами помечены, на других дамы и кавалеры заморские красуются. Гадина внимательно следила за раскладом картинок, чай с блюдца пила и охала, если картинка какая не так ложилась. Лад таких забав не понимал, но жене не мешал, – пусть балует.

Вернувшись вечером от Седоборода, Гадина брови сдвинула, на Лада взглянула строго и пошла к Зятю походкой бедовой. Казалось Ладу, будто видит он, как лодочка ладная на волнах ленивых качается. Эх, взъерошил волосы, спустился в погреб, взял бутылку вина франзонского и отправился на сеновал.

Зятя тем временем картинку кинула на стол, и Гадина слушать приготовилась, что скажет ей старуха древняя, для прислуги суровая, для хозяйки – советчица первая.

– Ну, хозяйюшка молодая, видишь, как карты легли.

– Вижу, Зятя, вижу. Только ты мне сама разъясни.

– Выходят тебе хлопоты пустые. А после дела денежные.

– В купцах знатных ходим, вот и дела денежные. Об этом могла и не говорить. Зачем изводишь меня, старуха злая?! Я тебя про мужа просила узнать.

– Не серчай, хозяйюшка, – улыбнулась Зятя. Нос крючковатый, с бородавкой волосатой, наморщила, зубы желтые показала и смела карты со стола движением одним.

После снова их бросила и пригляделась – какая карта как легла.

– На мужа, так на мужа. Гляди сама.

Карты причудливо лежали – одна на одну заходит. И так колода вся – будто веер заморский раскрылся. Гадина видела такие во Франзонии. Тамошние модницы без веера – никуда! Зятя ловко поддела карту с боку, и колода вся перевернулась.

– Однако, мастерица ты. – Удивилась Гадина.

Зятя пошептала что-то над картами и стала метать их по одной на стол.

– Выходит мужу твоему дело занятное. Не по рангу его, но по уму.

– То и без тебя знаю!

– Ишь ты, знаешь. А что в лесу поговаривают, ведомо тебе?

– Гоблин ничего не говорил.

– Он и не скажет. Много знает, далеко глядит, а то, что рядышком – узреть не может. Смотри... Дорога дальняя у хозяина будет... Был у меня вчера в гостях один. Он из нечисти будет. Так вот, с его слов – гоблин в землях своих родных хоть славой дурной и пользуется, а слывет все же простаком. А для нечисти хуже нет, когда простаком считают. Почему? А потому, что о материях неземных умно рассуждает, о жизни мудрено говорит, а некоторых вещей не замечает. А они под носом у него! Оно и понятно, всего знать невозможно... Что такое?! Видишь, хозяйка, карту черную? Будет у хозяина в дороге препятствие какое-то.

– Какое?

– О том карты не скажут... Одно хорошо, не один он будет. Вот и гoblin выпал... К добру это... Дорога далеко ведет... А на сердце у хозяина забота какая-то лежит. Беспокоит его что-то.

– А в лесу о чем шумят?

– В лесу?

– Зятя, не серди меня! Сама сказала – в лесу слухи разные ходят. Отвечай, что в лесу слышно.

– Ничего, красивая, не слышно... Значить, дорога будет... Шумит лес по пустякам всяким... А в конце дороги ждет хозяина враг тайный... Шушукуются кикиморы на болотах, мол, взяли Посад в осаду вороги. Тайно в город проникли, сети интриг грязных плетут, а Лад в центре сетей тех... А вот это совсем нехорошая карта... Врог заморский сильнее Лада будет. Богаче, сильнее, хитрее...

– Это мы еще поглядим. А о чем еще болтают кикиморы?

– О чем они могут болтать? Так, несут вздор разный... В рядах партийных нечисти мир и порядок. Сичкарь держит все в кулаке железном. Чер-Туй, рыло свиное, нежится в бездельи. Оно и к лучшему. Если придет ему в голову рогатую блажь какая, жди беды. Знаю я его.

– Знаешь?

– Кого?

– Чер-Туя!

– Да что на тебя нашло, хозяйка! С чего мне нечисть главную знать-то?! Никогда не видела и видеть не хочу! Людям с ним встречаться – все равно, что в пропасть смотреть. Не заметишь, как камнем вниз полетишь!

– Таишь ты что-то, Зятя. Ну да ладно. Значить, дорога опасной будет? Знать об этом – уже хорошо. Нужно подготовиться. Завтра целый день буду в совете женщин дела решать. Ты здесь похозяйничай. Да, вот еще что, начни потихоньку подготовку к отбытию Лада. Подсчитай, какие запасы нужны, да товару хорошего присмотри. Хоть и с посольством Лад пойдет, а товар с собой не грех взять. Все-таки купцы мы. На все даю тебе две недели сроку.

С тем и ушла Гади́на. Зятя проводила ее взглядом прищуренным. Многие боялись взгляда такого. Был он и у Седоборода, и у Комер-сана. Хитрый взгляд, сглазить может. Только нечего было Гадине бояться. Заговоры ее не брали. Да и Зятя ее не сглазить хотела. Убереечь пыталась. Слова заговорные шептала, траву пахучую во всем доме развесила, а в кабинете Гади́ны, где добра чудного хоть мешками грузи, свечи сальные на ночь зажигала и в тигелек с углями долго глядела. Что ей там виделось – о том и Чер-Туя не ведомо...

Посольство в страну заморскую – дело серьезное. Посад со дня первой ярмарки дела такого не ведал. Шумели базары, ярмарки гудели, по рынкам мелким люд разночинный судачил о деле таком. Купцы заморские в Посаде не новость, гостей разных торговый город повидал. Вот послов иноземных, (людей ума государственного), принять довелось впервые, это правда. А чтоб самому Посаду Торговому своих послов куда снарядить – о таком ни предки, ни нынешние жители Посада, думать не думали. Незачем было. Зачем посольство отправлять за кудыкину гору, коли вести все на базарах сходятся, слухи о делах в странах далеких, пусть с искажениями, но поспевают. А теперь вот выдалась нужда. Совет Посадский решил – быть посольству. Зуб не мало усилий приложил для решения такого. Убеждал других старцев, купцов знатных уговаривал:

– Нечего Посаду в грязь лицом ляпаться, – говорил старый да хитрый Зуб. – Коли к нам гости пожаловали, знать и нам черед пришел своих в края чужие послать.

Соглашались деды седые, купцы знатные одобряли слова такие.

Комер-сан со старейшинами итайской общины беседу имел. Итайцы головами качали, в словах Комер-сана правду видели. Нельзя нынче Посаду без своих послов в странах замор-

ских. Слухи слухами, а когда свой человек все на месте видит, – это совсем другое. Ведь посол не просто представитель города, он еще и легальный разведчик в тылу потенциального противника. Итайцы как никто понимали подоплеку дела такого. Им, мудрым, колыбель внешней политики Посада сердца радовала. Многие могли подсказать купцы итайские. И совет старейшин каждое слово итайцев учитывал.

Хундустанцы тоже не отставали. В их стране купец просто обязан быть дипломатом. Иначе не видать ему прибыли от дела торгового, а иной раз и головы не сносить. Вот и делились все крупицами знаний о дипломатии – науке хитрой, для посадских мужиков хоть и знакомой, (в страны дальние за товаром не раз ходили), но больно мудреной в понимании текущего момента!

(Тьфу, проще сказать не смог. Но посадским что – сплюнут и забудут. А другим, коли невдомек, так и читать не следует.)

О посольстве и нечисть посадская говорила. Леса листвой шумели, над болотами сычи ухали, лягушки им гортанным пением отвечали. Когда споры среди сброда лесного кипели, пожаловал на заимку хозяин первый мест этих – Наковальня Мечплугович. Гоблин рад был гостю посадскому.

– Надоела мне пустая болтовня, – пожаловался он кузнецу. – Сичкарь хоть и толковый партийный босс, но и он не в силах разобраться, о чем спорят подручные его. Седобород предупредил его о делах важных. Рубежи лесов посадских нечисть справно охраняет. Но не многим дано понять суть происходящего. Вот спорят до одури, кто о чем! Чер-Туй может что и знает, да только не спешит мыслишками делиться даже с братом своим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.